

УДК 82-95

# УТРАЧЕННАЯ СТАТЬЯ Б.М. ЭЙХЕНБАУМА ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ

САФОНОВ Сергей Александрович,

директор «Культурно-досугового центра «Шинник», г. Воронеж

**АННОТАЦИЯ.** Автор статьи предлагает свою гипотезу о содержании отвергнутого журналами первого опыта Эйхенбаума о поэзии А. Ахматовой.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** символизм, земное – мистическое, направление, поэзия – проза.

SAFONOV S.A.,

Director Culture and leisure centre "Shinnik", Voronezh

B.M. EICHENBAUM'S LOST ARTICLE ABOUT ANNA AKHMATOVA

**ABSTRACT.** The author suggests his hypothesis for the contents of the rejected by the journals Eichenbaum's first essay on A. Akhmatova's poetry.

**KEY WORDS:** symbolism, earth and mystical, direction, prose poetry.

Господствующее в поэзии направление символизма в определенный момент пошатнулось. Поэты-символисты возвращаются к тем вопросам, которые когда-то легли в его основу. «Стало ясно, – отмечает Б.М. Эйхенбаум, – что первоначальное объединение символистов в одну поэтическую школу произошло на основе конкретных художественных принципов, возникших в борьбе за новое искусство, а не на основе отвлеченных религиозно-философских теорий» [1, с. 12].

Того же мнения в 1913 г. придерживается Н. Гумилев: «Для внимательного читателя стало ясно, что символизм закончил свой круг развития и теперь падает» [2].

Все чаще говорится о необходимости преодоления символизма как литературного течения. В 1910 г. круг символистов покинул Кузмин, о котором В.М. Жирмунский в статье «Преодолевшие символизм», опубликованной в журнале «Русская мысль» (№ 12, 1916)<sup>1</sup> писал: «Мир поэзии Кузмина не искажен этим слишком субъективным, требовательным и страстным подходом; ровный и ласковый, радостный свет падает на все предметы этого мира, большие и маленькие <...> В этой детской мудрости Кузмина, преодолевшей хаос, оставленный за порогом искусства, и теперь свободно и радостно принимающей весь мир, не искажая его чрезмерной индивидуалистической требовательностью, уже намечается путь к преодолению символизма» [3].

Итак, поэзия стремилась вырваться из мистически-неопределенного круга, в котором она находилась, пытаясь выбрать один из двух путей избавления от старого: создать нечто прямо противоположное (по Эйхенбауму, «революционный путь») или попробовать постепенную либеральную политику

(«эволюционный путь»). Вполне естественно, что ни тот ни другой наш самобытный менталитет не устроил, а потому «русская поэзия пошла обоими путями». В результате появились акмеисты (либеральный путь), не отвергавшие полностью символизм, а выступавшие как его наследники и продолжатели, и футуристы (революционный путь), о которых Эйхенбаум сказал: «Это было настоящее восстание – о порядке, о равновесии, об отцах и преемстве не было и речи» [1, с. 21].

Во время этих событий среди акмеистов, руководителями которых были Н. Гумилев и С. Городецкий, появляется Ахматова. Она сразу же привлекает к себе внимание современников: и поздних символистов (Кузмин), и просвещенной молодежи, и критиков.

Знакомство Б.М. Эйхенбаума с А. Ахматовой произошло, вероятно, в 1913 году, когда в пятом номере журнала «Гиперборей» были опубликованы их стихотворения. В то время, когда символизм испытывал глубокий кризис, стихи Ахматовой не могли не привлечь внимание общественности, а тем более исследователей-литературоведов, которые к тому же были ее современниками.

11 января 1914 г. Эйхенбаум написал в письме Л.Я. Гуревич: «Вчера был в "Цехе Поэтов", многих повидал – от Городецкого до Хлебникова... Была и очаровательная Ахматова. Читали стихи» [4]. В альбоме А. Ахматовой есть следующее четверостишие, принадлежащее Эйхенбауму и помеченное 30 апреля 1917 г.:

Анне Ахматовой

Покой Твоей души – и доброй, и высокой,  
Да будет нерушим в Тверской земле жестокой.  
И стая белая Твоих волшебных птиц  
Крылами осенит верхи Твоих светлиц [там же].

Заметим, что в данном стихотворении местоимения-обращения к А. Ахматовой написаны с большой буквы, что говорит о том пиитете, с которым

<sup>1</sup> Изначально статья была прочитана в качестве доклада 31 октября 1916 г. на заседании нефилологического общества, где присутствовал и Б.М. Эйхенбаум.

Эйхенбаум относился к поэту, о его восхищении не только стихотворениями, но и самой Ахматовой.

В 1922 году выходит первая книга Б.М. Эйхенбаума «Мелодика стиха», один из экземпляров которой он подарил Ахматовой с надписью: «Анне Андреевне Ахматовой взволнованно и робко от автора. 14.II.1922» [5, с. 384].

Ахматовский же автограф мы встречаем на авантитуле книги «Белая стая»: «Борису Михайловичу Эйхенбауму, моему снисходительному критику с приветом. Анна Ахматова, 19 сентября 1917» [5, с. 32].

В мае-июне 1915 г. Б.М. Эйхенбаум пишет первую статью об А. Ахматовой. 2 июня в своем дневнике он оставил запись: «Кончил статью об Ахматовой – сегодня отправлю в "Северные записки" [4, с. 231], а в письме Ю. Никольскому от 22 июня сообщает название статьи: «Земное питье» – это цитата из стихотворения Ахматовой «Столько просьб у любимой всегда...», опубликованном как раз в пятом номере «Гиперборея» от 1913 г. [6].

Редакция «Северных записок» эйхенбаумовскую статью не приняла. 1 июля в письме Ю. Никольскому Эйхенбаум упоминает о разговоре с С.И. Чацкиной, редактором журнала: «С.И. объяснила мне, что я слишком о стиле говорю, а надо о содержании...» [там же]. Затем статья была предложена другим журналом, но и там не появилась. Судьба ее до сих пор остается неизвестной. По всей видимости, Эйхенбаум решает несколько переждать. Через год он пишет Жирмунскому: «Я надеюсь, что зимой она [Ахматова. – С.С.] издает новый сборник "Белая стая". Тогда я, воспользовавшись тем, что у меня о ней написано, постараюсь напечатать статью» (28 июля 1916 г.) [7]. Книга Ахматовой вышла в 1917 г., и автограф поэта, о котором мы упоминали выше, говорит о том, что статья ею была прочитана.

Факты подтверждают, что поэт и критик делились друг с другом своими творческими планами. Вспомним: «И стая белая Твоих волшебных птиц...». Книга «Белая стая» вышла в сентябре, а свое стихотворение Эйхенбаум помечает 30-м апреля, письмо Жирмунскому датировано июлем. Вполне резонно предположить, что и Ахматова знала о намерениях Эйхенбаума. Возможно, он обсуждал с ней свою работу и даже дал прочитать. Но статья снова в печати не появилась. Только в 1921 г. по случаю выхода сборника стихов Ахматовой «Подорожник» публикуется рецензия Эйхенбаума – «Роман-лирика». Это была первая печатная работа критика о поэте, а в 1923 г. вышла его книга «Анна Ахматова».

Сейчас трудно говорить о том, что было написано в статье Б.М. Эйхенбаума, но можно попытаться восстановить ее основные тезисы и положения, по мотивам которых потом появились рецензия и книга. Для этого мы воспользуемся следующими материалами:

1) название статьи; 2) переписка Б.М. Эйхенбаума с В.М. Жирмунским, а также с другими окружающими его людьми; 3) дневник Б.М. Эйхенбаума.

В названии – «Земное питье» – акцентировано земное, противопоставленное космическому мистическому мировоззрению символистов. Ахматовой не нужны заоблачные и расплывчатые образы – ее поэзия, конкретная и приземленная, обращена к человеку на грешной земле, а не к силам и сферам космического. Лирический герой поэта – земная

женщина с соответствующими чувствами, волнениями и тревогами. Она пишет о любви и ненависти, встрече и разлуке, радости и боли – земном, простом, понятном. Это стихи о вечном и будничном, о том, что всегда было, есть и будет.

28 июля 1916 г. Эйхенбаум написал Жирмунскому: «Интересует меня очень твоя статья о гиперборейцах. Но вот как ты все-таки присоединишь к ним Ахматову? Она больше, чем кружок, чем направление. У нее – свой путь» [7, с. 286]. Статья, на которую ссылается адресат, была прочитана Жирмунским в форме доклада 31 октября.

«Гиперборей» был печатным органом акмеистов. Жирмунский рассматривает творчество Ахматовой именно в русле данного направления: «Нас, однако, интересует сейчас не вечное и не глубоко индивидуальное в лирике автора "Четок" и не отдельные черты сходства с символистами, а именно те особенности времени, которые ставят стихи Ахматовой в ряд иных художественных стремлений и иных душевных настроений, чем те, которые господствовали в литературе последней четверти века. Эти черты, принципиально отличные от лирики русских символистов, заставляют нас видеть в Ахматовой самую лучшую и самую типичную представительницу молодой поэзии» [8].

Эйхенбаум согласен с В.М. Жирмунским в том, что поэзия Ахматовой стоит отдельно и отличается от лирики символистов, но если последний помещает ее в один ряд с гиперборейцами, то Эйхенбаум выделяет поэта, и в этом принципиальная позиция критика, которую он отстаивает в полемике с В.М. Жирмунским.

3 ноября 1916 г. в «Биржевых ведомостях» появился отчет Эйхенбаума о докладе В.М. Жирмунского, где он пишет: «В прениях больше всего указывали на одностороннее толкование поэзии Ахматовой, а также на чрезмерную общность признаков, положенных в основу схемы» [7, с. 325]. Свою мысль критик развивает в довольно эмоциональном письме В.М. Жирмунскому, где не соглашается с его основными тезисами по поводу поэзии Ахматовой и даже обвиняет его в том, что тот читал Ахматову «совсем внешне, насилуя интонацию ее стиха» [7, с. 288], подгоняя под нужную форму, под интонацию «интимного разговора» (causerie). Он считает, что это слишком упрощает творчество Ахматовой, ее нельзя ограничить рамками акмеизма, а тем более говорить о ее поэзии как об «интимном разговоре». «Относительно causerie у Ахматовой я очень протестую и огорчен твоим суждением о ней... Тут женщина во весь рост. Поэт может говорить *малые* (здесь и далее выделено Б.М. Эйхенбаумом. – С.С.) слова, но мы должны чувствовать в них большие, если только они – поэзия» [7, с. 290].

Поэты «Гиперборея», по Эйхенбауму, воплощают всего лишь одно из направлений в искусстве, а Ахматова – нечто всеобъемлющее. В контексте «вечных элементов» критик пишет в письме Жирмунскому от 31 марта: «Купил я как-то в Питере 3 немецкие диссертации по "Stiluntersuchung"<sup>2</sup> (1910 и 1911 гг.) о Бюргере, Шамиссо и Флорере <...> до чего же по существу бедно! И я понимаю отчего. Оттого, что нет никакого X<sup>a</sup> и никакой гипотезы, а ведь без этого нет науки. В нашей науке X – это то *третье*, что не есть ни форма, ни содержание и к

<sup>2</sup> Стилистические исследования.

раскрытию которого мы *должны стремиться*. Гипотеза – что в звуках, в ритме, в приемах. *Научное наследие Б.М. Эйхенбаума в современном литературоведении* (М., 2001) – это третье. Параллель между "формой и содержанием" указывает только на то, что на самом деле они не параллельны, а исходят из точки этого третьего, что не есть ни мысль просто, ни звук просто» [7, с. 291].

Таким образом, считает Эйхенбаум, поэзию Ахматовой нельзя рассматривать в рамках одного направления. На нее нужно смотреть как на целостное образование, покоящееся на вечных и будничных элементах и принципах. Она не зависит от какого-либо направления, в ней есть то, что нужно поэту, чтобы сказать о большом в малом, не удаляясь от земного, без излишней патетики и пафоса. За последнее Эйхенбаум критиковал Гумилева. В письме Л.Я. Гуревич от 11 января 1914 г. он написал: «Гумилев, как всегда, парнасен» [6, с. 499], а в письме Жирмунскому, говоря о поэзии Гумилева, заметил: «Ты смотрел на слова так, как они написаны, и потому решился сказать, что в военных стихах Гумилева есть большое религиозное чувство. Я не знаю, есть ли у него это чувство, но слова его придуманы, преувеличены, взяты большие нарочно, п.ч. душа не подсказала малых, подлинных. А в

малых словах Ахматовой ты почувствовал только малость, а не содержание». [7, с. 291] По-настоящему, как написано, не привлекая обширного пласта того, что стоит за рамками этих «малых» и простых слов. Здесь имеет значение все. Вспомним фразу: «...я слишком о стиле говорю, а надо о содержании». Для Эйхенбаума поэзия Ахматовой – не только форма или содержание, она и то, и другое и плюс третье – Х, без которого нельзя понять ни того ни другого. Именно об этом Х, видимо, и писал он в своей статье.

Положения, о которых мы говорили выше, Эйхенбаум использует в рецензии на «Подорожник», где продолжает и развивает близкие ему идеи В.М. Жирмунского о сближении поэзии Ахматовой с прозой, о фольклорности и сюжетности ее творчества. Свое развитие эта концепция получает в книге «Анна Ахматова», где Эйхенбаум сосредоточивается на синтаксисе, форме, звукописи, смысловом содержании и т.п., то есть на Х, без которого вообще невозможно было бы говорить о поэзии Ахматовой и который в свое время не понравился редакции «Северных записок».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эйхенбаум Б. Анна Ахматова: Опыт анализа / Б. Эйхенбаум. – Пб., 1923. – С. 12.
2. Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм / Н.А. Гумилев // Собр. соч. : в 3 т. – М., 2000. – Т. 3 – С. 455.
3. Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм / В.М. Жирмунский // Вопросы теории литературы. – Л., 1928. – С. 281.
4. Крюков А.С. Страницы дневника: Материалы к биографии Б.М. Эйхенбаума / А.С. Крюков // Филол. записки. – 1997. – Вып. 8. – С. 238.
5. Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана / сост. М.С. Лесман [и др.]. – М., 1989.
6. Эйхенбаум Б. О литературе / Б. Эйхенбаум. – М., 1987. – С. 499.
7. Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского / публ. Н.А. Жирмунской, О.Б. Эйхенбаум; вступ. ст. Е.А. Тодеса; примеч. Н.А. Жирмунской, Е.А. Тодеса // Тыняновский сб. : Третьи Тыняновские чтения. – Рига, 1988.
8. Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм / В.М. Жирмунский // Вопросы теории литературы. – Л., 1928.